

ли и пчелы. Поступок муравьев явно не благородный. Спасайся за счет гибели других! А ведь и пчелы и муравьи в русских сказках пользуются симпатиями читателей. Нужно не забывать о традициях. Кроме того, медведь Михайлыч в одной сказке действует как агрессор, в другой — как защитник слабых, как персонаж, обучающий других добродетели. Так поступать автору нельзя. У медведя в русских сказках сложилась своя репутация, созданная его поведением. Так пусть же и муравьи-труженики, и медведь — глупый силач — действуют в соответствии своих характеров и сложившихся литературных традиций.

В сказке «Антур и Ларга», начало которой я похвалил, не совсем продуманы взаимоотношения героев. Всю жизнь Ларга мечтала иметь брата, но не имела его. Разве это говорит что-нибудь плохое о Ларге? Ей, наоборот, сочувствуешь. Ее желание — гуманно. И вот она встретила Антура. Он обидел ее своим невниманием. Автор хочет, чтобы симпатии были на стороне Антура, а читатели жалеют Ларгу, оставшуюся без брата.

Есть и мелкие замечания, которые надо предвзвешивать скорее редактору книжки, чем ее автору.

Оформление и верстка книги заставляют желать лучшего. Художник — полноправный соавтор детской книжки. Сказки Л. Сапрыгиной-Антипиной дают для его работы хороший материал. Но рисунки С. Величко невыразительны. Размещение их и текста неудачно. Надо было располагать текст не на две колонки, а на целый лист: так удобнее читать ребенку.

Итак, автор сделал первый шаг, выпустил первую книжку. В целом она удалась. Юный читатель будет рад новым удачам молодого автора. Он их ждет!

Борис КОПАЛЫГИН.

□ □ □

ДОРОГА ЕГО ЖИЗНИ

В этой книге нет замысловатого сюжета¹. Ее автор — один из старейших изыскателей страны Александр Побожий — как бы предлагает нам пройти вместе с ним таежными тропами, принять участие в прокладке в отдаленных, труднодоступных местах новых железных дорог и, прежде всего, Байкало-Амурской магистрали. Он знакомит нас со своими друзьями-изыскателями, людьми мужественными и самоотверженными, рассказывает о их нелегком труде, о суровой природе Севера, которую он так хорошо знает.

¹ А. Побожий. Сквозь северную глушь. М., «Современник», 1978.

Прочитал последнюю страницу книги — и поймал себя на мысли, что и мне захотелось в тайгу, туда, где стоят молчаливые и угрюмые ельники, где возвышаются на склонах сопок, поросших кедровым стлаником, голцы, где бегут порожистые, с кристально чистой водой реки, где звездное небо можно хорошо наблюдать и без телескопа — так прозрачен настоящий на таежном аромате воздух. И уверен: не одного человека позовет эта книга в неведомые дали, в так любимую автором северную глушь.

Документальные повести Побожего автобиографичны. Но, странное дело, читаешь книгу, и перед тобой проходит жизнь целого поколения советских людей, чья юность совпала с бурными тридцатыми годами. Сверстники автора, как и он сам, испытали тяготы войны, возводили новостройки последних пятилеток. И мы, читатели, невольно делим все его радости и невзгоды, идем вместе с ним, устанавливаем в нехоженых местах пикеты будущих магистралей.

Рассказать Побожему есть о чем. В 1932 году, практикант землеустроительного техникума, попал он впервые на изыскания железной дороги, и с той поры всю свою жизнь, до последнего дня, посвятил любимой профессии. Тюменский Север и Казахстан, Саяны и Монголия — куда только не забрасывала его судьба. На Дальнем Востоке в предвоенные годы Побожий участвовал в прокладке Байкало-Амурской магистрали. В то время мечте изыскателей не суждено было осуществиться. Минули целые десятилетия, прежде чем он снова вернулся в полюбившиеся места, чтобы заново пройти трассу, открывающую доступ к природным богатствам северных районов Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Как уже говорилось, книга автобиографична, но автор меньше всего пишет о себе. Как бы мимоходом упоминает он о том, как планировал над тайгой на самолете, у которого отказал мотор; как при подвижке скалы сомкнулась земля в шурфе, из которого он только что выбрался; как оказался в осенний ледоход в зажатой льдами углой лодочке на порожистой горной реке; как прокладывал под непрерывными бомбежками фашистов через наспех разминированную местность дорогу жизни — Волжскую рокаду; как искал и находил выход в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях.

Вот как, например, пишет он о событиях 1942 года: «Не теряя ни минуты, начали прокладывать трассу через минные поля в сторону Воропонова. ...Некоторые из строителей подорвались на минах». А он, как и другие изыскатели, шел впереди строителей!

Еще далеко было до победы, а Побожего направили на Дальний Восток. Тут тоже был фронт, но трудовой. В фантастически короткие сроки изыскатели должны были проложить трассу железной дороги Комсомольск-на-Амуре — Советская Гавань. И они справились с задачей. В то время Александр Побожий участвовал в спасении

американских летчиков, самолет которых упал где-то над бескрайней дальневосточной тайгой. Подчас рискуя собственной жизнью ради жизни других, Побожий и его товарищи нашли обесцеливших, изнеженных гнусом американцев и доставили их на ульмагдах на базу экспедиции. Потом между спасенными и спасителем завязалась долгая переписка... Рассказ об этой истории, дающий яркое представление об истоках интернационализма советских людей, читается с особым интересом.

Хотя повествование А. Побожий ведет от первого лица, его авторское «я», скорее, определяет место событий, участником которых он был, позволяя высказать ему свое отношение к происходящему, к людям, его окружающим. С особой теплотой, увлекательно пишет он о своих старших товарищах — талантливых изыскателях и руководителях Ф. А. Гвоздеском, П. К. Татаринцеве, А. П. Кузнецове и многих других. Рассказывая о особенностях работы первопроходцев, А. Побожий не боится привести многие подробности, технологические тонкости. Однако эти страницы читаются тоже легко, потому что о любимом труде автор пишет с большой любовью. И вот уже, сами того не замечая, мы вместе с изыскателями участвуем в прокладке железной дороги Салехард — Игарка, ищем место для перехода трассы БАМа через Зейское море, исследуем коварное озеро Огорон, вокруг которого разбросаны скрытые под слоем вечной мерзлоты линзы льда и скопанные холодом целые подземные реки...

Многие разделы книги «Сквозь северную глушь» отличаются страстной публицистичностью. С болью пишет автор о том, к чему может привести пренебрежение людей к вечной мерзлоте. Если же к ней относиться бережно, изучив ее законы, мерзлота превратится из коварного врага, способного поглотить любые сооружения, в друга и помощника строителей. Кстати, на эту тему автор неоднократно выступал в периодической печати — от тындийской районной газеты «Авангард» до центральной «Гудок», об этом говорил он на многочисленных встречах с изыскателями и строителями. Но и сегодня можно увидеть на БАМе, как идет по месту, где будет возведена насыпь, вездеход, как в непосредственной близости от стальной колеи бульдозер вскрывает торф. Последствия такого отношения к природе не видны сегодня, но они непременно проявятся завтра, породят новые проблемы, которых вполне можно избежать.

А взять рассуждения Побожего по поводу дальних, не всегда продуманных и целесообразных, но модных таежных десантов, соединенных с базовыми организациями лишь воздушным мостом. Каждый такой десант требует дополнительных затрат в десятки, а то и в сотни тысяч рублей, люди лишаются элементарных удобств. И в то же время сделать что-либо существенное до прокладки хотя бы временной автодороги они не могут. И нам понятно возмущение автора: «Кому нужны такие дорого-

стоящие десанты, кому нужен расходуемый! невеста на что героизм людей, уходящих в далекую тайгу?» Действительно, кому? Разве только некоторым недалеким руководителям да легковесным журналистам, которые не замечают искусственности создаваемых подобным образом трудностей. Тем более, что работать в дальневосточной тайге и без того нелегко, она и сегодня полна опасностей.

Вот автор обнаруживает пригревшуюся между его спящими товарищами ядовитую змею. Вот, оказавшись из-за нелетной погоды без продовольствия, изыскатели днем и ночью илут по стылым дебрям к базе экспедиции. Вот ночью к полевому стану подходит медведь. «Шарик кидался в кусты, но мы спокойно спали у тлеющего костра, решив, что он (медведь. — В. Д.) нас не тронет», — сдержанно пишет об этой далеко не единственной встрече с «хозяином тайги» А. Побожий.

Добавим к этому тучи гнуса летом и снежные метели зимой, проливные дожди и лишнюю элементарных удобств жизнь в палатках — не временно, как туристы, а годами. Но — странное дело: партии изыскателей никогда не испытывают острой нехватки кадров. Чем же привлекает в наш век научно-технической революции людей тайга? Она дает человеку возможность испытать свои силы, почувствовать себя на передовой, там, где свершаются планы новых пятилеток, испытать истинную радость труда, которая приходит с сознанием того, что по установленным тобой пикетам пойдут тысячи и тысячи людей, что в местах, тобой выбранных, вырастут новые города и поселки. Так отвечает на этот вопрос А. Побожий. Он приводит историю многих человеческих судеб, когда тайга способствовала становлению личности, помогала людям обрести смысл жизни. Естественно, в таких случаях под тайгой автор подразумевает прежде всего ту обстановку коллективизма, товарищества, которая характерна для всех изыскательских партий.

Думается, немало интересного найдут для себя в записках старого изыскателя этнографы. Нравы и обычаи, детали быта малых народностей Севера — ненцев, удэгейцев, орочей, эвенков описаны очень подробно, с документальной точностью.

Особую роль отводит А. Побожий в своих повестях суровой природе Севера. Она в книге — не фон, на котором развиваются события, а и добрый помощник, и суровый экзаменатор. Вспоминается такой эпизод. Когда в условиях тюменского Севера в считанные дни потребовалось построить аэродром на заметенной многометровыми сугробами реке, изыскатели нашли оригинальный способ: вместо того чтобы вручную убирать тысячи кубометров снега, они решили укатать взлетно-посадочную полосу... стадами оленей. И самолет приземлился...

Автор тонко чувствует природу, глубоко познал ее законы. По поведению муравьев он заранее узнает о предстоящем

резком подъеме уровня воды в реках, по хрусту снега определяет погоду на завтра, знает, как поймать в горной реке, не имея никаких снастей, осторожного харюса. И к природе, подобно коренным жителям Севера, он относится как к чему-то одушевленному. «Голоса тайги невозможно слушать без трепета. Ведь это голоса ее жизни».

Александр Побожий хотя и был членом Союза писателей, писателем себя не считал. «Я изыскатель, который пишет», — сказал он как-то в беседе с журналистами. И в этих словах не было рисовки, поверствия. А. Побожий считал себя обязанным, как он полагал, восстановить справедливость: в литературе нет недостатка в героях геологах, людях других таежных профессий, а вот изыскателям не повезло, хотя труд их так же насыщен героикой повседневных буден. И в меру сил он стремился ликвидировать этот пробел.

Небезынтересно, что его первые документальные повести были опубликованы в журнале «Новый мир», «добро» им дал Александр Твардовский. Он отмечал у Побожего свое, присущее только ему художественное видение окружающего, ценил строгую документальность повествования. Потом были книги «Дорогами тайги» и «БАМ: сказание о первых просеках». И вот новая, последняя книга ветерана таежных трасс.

К сожалению, эта книга, являющаяся по жанру — «заметки изыскателя» — документальной, не лишена досадных неточностей. Однако адресовать их следует, судя по всему, не автору, а редактору. Так, в подготовленных издательством подписях к снимкам, в общем-то неплохо иллюстрирующим книгу, трест «Мостострой» назван «Мостстроем», станция Дипкун — Данкун, поселок Нерюнгри — Нерюнгринским, что, кстати, противоречит самому снимку, на котором запечатлен указатель с названием поселка. Появилась на БАМе станция Карогочи вместо Хорогочи: точное название ее сегодня знает каждый строитель БАМа, большинство дальневосточников, и сомнительно, чтобы такую ошибку мог допустить автор. Искажены и фамилии некоторых героев.

А. А. Побожему давно пора было пойти, как говорится, на заслуженный отдых. Каждую осень, уезжая на два-три месяца в Москву, он искренне считал, что оформит пенсию и не вернется на Дальний Восток. Он мечтал снять домик где-нибудь на берегу Волги и целиком отдаться литературе. Было много планов, творческих замыслов. Но приходила весна — и снова плотную, коренастую фигуру Побожего можно было увидеть в Тынде, Зее, в самых отдаленных уголках трассы БАМа. И лишь в редкие свободные часы удавалось ему урывками писать. Помнится, в Тынде, неподалеку от домика, в котором жил, он даже поставил палатку, куда приходил работать: ему был чужд домашний уют,

куда увереннее чувствовал он себя в привычных условиях тайги.

Книга «Сквозь северную глушь» увидела свет, когда Александра Побожего уже не было с нами. Человек исключительно скромный, даже застенчивый, он и о болезни своей говорить стеснялся, долго не обращался к врачам. А потом было уже поздно...

Он ушел из жизни, но остались его книги, осталась главная дорога его жизни — Байкало-Амурская магистраль, стальные рельсы которой на огромном пространстве раскладывали первые тропы изыскатели. И есть глубокая справедливость в том, что, как сообщила недавно «Правда», одна из станций БАМа будет носить имя Александра Побожего — изыскателя и писателя, так любившего наш Дальний Восток.

В. ДОЛГОДВОРОВ.

□ □ □

БОЛЬШАЯ СУДЬБА ВОЗРОЖДЕННЫХ НАРОДОВ

Хабаровское книжное издательство выпустило в свет красочный сборник статей под общим названием «Таежные зори». Работа вышла в серии «Большая судьба малых народов». Если говорить коротко, эта книга о возрожденных северных народах, об успехах, достигнутых ими во всех областях экономической и культурной жизни, о социальных преобразованиях на земле малых народов Сибири и Дальнего Востока.

Уже в первой статье, написанной Героем Социалистического Труда, академиком А. П. Окладниковым, показано, как небольшие народности, находившиеся до Великой Октябрьской социалистической революции на уровне разложения первобытнообщинного строя — грани гибели — приобщились к высотам культуры и экономики. И все это благодаря русскому народу — великому другу чукчей, коряков, нанайцев, нивхов, удэгейцев, ороков и многих других народностей, возрожденных Великим Октябрем к новой жизни! Еще в предыдущих своих работах академик А. П. Окладников показывал, что культура и искусство малых народов Советского Дальнего Востока имеют длительную историю своего развития, обладают глубиной самобытностью и оригинальностью. На основе многолетних археологических раскопок А. П. Окладников приходит к закономерному выводу: «...не может быть сомнения, что на Дальнем Востоке пять-шесть